

Ф. А. Некрашевич

ОТДЕЛЬНЫЙ ЛИТОВСКИЙ КОРПУС В ПЛАНАХ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ ДЕКАБРИСТОВ

Отдельный Литовский корпус являлся частью российской армии с 1817 по 1831 гг. Данное воинское подразделение комплектовалось уроженцами западных губерний. Создание Отдельного Литовского корпуса воспринималось как важный шаг на пути к получению автономии для территории бывшего ВКЛ. Российские декабристы в своих планах уделяли большое внимание данному воинскому соединению. Они пытались основать в Отдельном Литовском корпусе тайное общество с целью увеличить свое влияние в российской армии. Тем не менее декабристам не удалось добиться серьезного успеха.

Independent Lithuanian corps was a part of Russian army from 1817 till 1831. This military unit was consisted of soldiers and officers from western guberniyas. The foundation of the Independent Lithuanian corps was taken up as an important step on the path to the autonomy on the territory of the former Grand Duke of Lithuania. Russian Decembrists attached great importance to this military unit. They tried to establish a secret society in the Independent Lithuanian corps in order to increase their influence in Russian army. However, Decembrists didn't have much success in this enterprise.

Ключевые слова: декабристы, воинские формирования, восстание, тайные общества, Российская империя, Королевство Польское, конституционные проекты.

Keywords: Decembrists, military formations, riot, secret societies, Russian Empire, Polish Kingdom, constitutional projects.

После окончания наполеоновских войн в Российской империи оживилась общественно-политическая жизнь. Российская военная молодежь, недовольная консервацией в стране феодальных отношений, стала объединяться в тайные общества, которые впоследствии получили название декабристов. Одной из главных причин недовольства декабристов политической российской правительством было его отношение к «польскому вопросу». Создание Королевства Польского с собственной конституцией и армией было неоднозначно воспринято в российском обществе. Однако император Александр I на этом не остановился и пообещал в будущем присоединить к Королевству Польскому западные губернии империи.

Дальнейшие события, казалось, подтверждали это: 1 июля 1817 г. император подписал указ о создании Отдельного Литовского корпуса. Отличительной его особенностью было то, что он комплектовался уроженцами западных губерний (Виленской, Волынской, Гродненской, Минской, Подольской, а также Белостокской области). Воинское формирование состояло из 27-й (Брестский, Белостокский, Виленский, Литовский пехотные, 47-й и 48-й егерские полки), 28-й (Волынский, Житомирский, Минский и Подольский пехотные, 49-й и 50-й егерские полки) пехотных и Литовской уланской (Волынский, Литовский, Польский и Татарский уланские полки) дивизий, а также некоторых небольших армейских подразделений. С началом войны 1830—1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси корпус был расформирован [1, с. 172].

Создание корпуса оказало существенное влияние на формирование декабристских организаций. Отдельный Литовский корпус воспринимался многими будущими декабристами как первый шаг правительства к присоединению западных губерний к Королевству Польско-

му [2, т. I, с. 52; Т. XVII. с. 136]. В политике Александра I заговорщики видели угрозу целостности Российской империи. Некоторые декабристы высказывали и более радикальные суждения. Так, А. Н. Муравьев считал, что монарх, создавая армию Королевства Польского и Отдельный Литовский корпус, желает тем самым заручиться военной поддержкой поляков на случай сопротивления русского народа политике правительства по учреждению военных поселений [2, т. III, с. 52]. Настроения декабристов подогревал тот факт, что на руководящие должности в Отдельном Литовском корпусе не были назначены генералы, занимавшие антипольскую позицию. Так, части 1-й бригады 2-й уланской дивизии вошли в состав Литовской уланской дивизии. Однако сам командир бригады, будущий декабрист генерал-майор С. Г. Волконский, не получил назначения в Отдельный Литовский корпус. Причиной этого послужила дуэль между бригадным командиром и волынским гражданским губернатором В. К. Гижицким. Оскорбленный отсутствием нового назначения, С. Г. Волконский подал в отставку [3, с. 348—355].

Следует отметить, что недовольство офицеров среднего звена разделяли и многие высокопоставленные российские генералы, например А. А. Закревский и М. С. Воронцов [4, с. 90]. Узнав о создании Отдельного Литовского корпуса, группа генералов во главе с генерал-майором М. Ф. Орловым, одним из основателей тайных обществ, подала императору особое представление. В нем они пытались описать все негативные последствия учреждения корпуса. В числе генералов, согласившихся подписать представление, был генерал-адъютант И. В. Васильчиков. Впоследствии он испугался собственной смелости, донес императору о недовольстве военных и назвал всех своих сообщников [5, с. 108, 109]. В результате император отдалил от себя М. Ф. Орлова, назначив его начальником штаба 4-го пехотного корпуса.

Легальные средства борьбы с «польской» политикой императора были исчерпаны, и офицеры перешли к нелегальным методам, развернув деятельность тайных обществ. Лишь некоторые декабристы, например Н. Тургенев, считали, что либеральные реформы Александра I могут принести пользу империи [6, с. 50].

Отдельный Литовский корпус занимал особое место в планах декабристских организаций. Части корпуса квартировали в Виленской, Гродненской, Минской, Волынской губерниях и в Белостокской области. И хотя основными центрами декабристского движения являлись Санкт-Петербург, Москва и Киевская губерния, в которой квартировал 3-й пехотный корпус, Отдельному Литовскому корпусу уделялось огромное внимание. В частности, план восстания декабристов Южного общества предполагал агитацию в частях 3-го пехотного корпуса (Киевская губерния) с целью привлечения военнотружущих на сторону восставших. В случае успеха планировался поход на Москву через Киев и Бобруйск [2, т. V, с. 55]. В этих условиях от позиции Отдельного Литовского корпуса зависела судьба восстания: он мог остановить марш повстанцев на Москву. Поэтому руководство Южного общества было заинтересовано в том, чтобы это воинское формирование поддержало восставшие части 3-го пехотного корпуса [7, с. 190].

Среди декабристов члены Южного общества занимали наиболее прогрессивную позицию по национальному вопросу. В отличие от участников Северного общества, выступавших за сохранение целостности Российской империи, руководитель Южного общества П. И. Пестель высказывался за создание независимого Польского государства. В своих многочисленных законопроектах он указывал, что конечной целью преобразований должно стать создание моноэтнического государства. Народы, населявшие Российскую империю, должны были рано или поздно принять православие и освоить русский язык. Исключение делалось лишь для «польского народа», за которым признавалось право на создание независимого государства [2, т. VII, с. 123]. Гродненскую, Виленскую, Волынскую, Минскую губернии и Белостокскую область, жителями которых комплектовался Отдельный Литовский корпус,

П. И. Пестель признавал неотъемлемой частью будущего Польского государства [2, т. VII, с. 125, 126]. После победы восстания декабристов он планировал провести реорганизацию российской армии. Поэтому уроженцы российских губерний, которые служили в Отдельном Литовском корпусе, должны были переводиться в другие соединения [2, т. VII, с. 332]. Таким образом, руководители Южного общества признавали Отдельный Литовский корпус «иностранным» соединением, расквартированным на территории будущего независимого Польского государства. Эти идеи П. И. Пестеля определили позицию Южного общества относительно корпуса.

Деятельность тайных обществ по агитации военнослужащих Отдельного Литовского корпуса имела свои особенности. Создание декабристами тайных обществ в крупных воинских соединениях велось по строго определенному плану. Для организации успешного выступления в корпусах необходимо было заручиться поддержкой командиров на всех уровнях: от обер-офицеров до командиров полков и бригад. Каждый член тайного общества вел агитацию офицеров на своем командном уровне (так, полковник агитировал других полковников, корнет — других корнетов и т. д.). Это позволяло надеяться на то, что всё воинское соединение, следуя за своими авторитетными командирами, поддержит вооруженное выступление. Декабристы вначале пытались заручиться поддержкой полковых командиров [2, т. IV, с. 112, 113], чтобы те могли вовлечь в тайное общество подчиненных им высших офицеров. Создание тайного общества начиналось с командира соединения и заканчивалась обер-офицерами [2, т. XIII, с. 138]. Таким образом, декабристы при создании тайных обществ большое значение придавали авторитету начальства и желанию подчиненных продвинуться по службе за счет тесных связей со своими командирами [8, с. 426, 427]. Примером эффективности подобной схемы может служить восстание Черниговского пехотного полка [9].

Однако в Отдельном Литовском корпусе подобный план был трудно применим. Рядовой и обер-офицерский составы корпуса состояли из уроженцев западных губерний, а высший офицерский состав — из уроженцев великороссийских губерний и иностранцев на российской службе [10, с. 730—771]. Поэтому декабристы могли вести агитацию только среди представителей высшего командного состава корпуса. В свою очередь члены польского Патриотического общества рассчитывали в основном на поддержку обер-офицеров корпуса.

Это и предопределило тесные взаимоотношения Южного и Патриотического обществ. Первые переговоры между их представителями прошли в 1824 г. в Киеве [7, с. 94]. Декабристы, признавая Отдельный Литовский корпус сферой влияния «поляков», не планировали создавать в нем тайное общество. Однако они опасались, что формирование корпуса может воспрепятствовать планам Южного общества. Поэтому «поляки» брали на себя обязательство нейтрализовать корпус и не допустить его вмешательства в планы декабристов [2, т. IX, с. 133]. Впрочем, Патриотическое общество было не в состоянии выполнить свои обязательства: его влияние в корпусе в то время было невелико. Так, в 1823 г. его участники всерьез обсуждали план захвата Виленского арсенала. Примечательно, что в этой операции должны были участвовать исключительно студенты Виленского университета, а не солдаты и офицеры Отдельного Литовского корпуса [11, с. 212].

На следующей встрече представителей обществ, которое состоялось в январе 1825 г. в Киеве, было принято решение о совместной работе по созданию тайной организации в Отдельном Литовском корпусе. Поскольку корпус был укомплектован «польскими» (согласно терминологии Южного общества) и русскими офицерами, предполагалось, что подпольную работу будут вести оба общества. Стороны договорились о выделении по одному представителю для агитации в Отдельном Литовском корпусе. Южное общество поручило это полковнику И. С. Повало-Швейковскому, Патриотическое — графу П. И. Мошинскому [12, с. 115]. Обе организации должны были поддерживать между собой постоянную связь и информировать о ходе работы [2, т. IV, с. 116].

Деятельность Южного и Патриотического обществ проявилась в попытке создания тайной организации в Минском пехотном полку 1-й бригады 25-й пехотной дивизии Отдельного Литовского корпуса. 25-я пехотная дивизия была расквартирована недалеко от 3-го пехотного корпуса. В Дубно, где располагалась дивизионная квартира, находился и центр одной из управ Патриотического общества. Между И. С. Повало-Швейковским и П. И. Мошинским было установлено четкое разграничение действий: первый должен был привлечь на свою сторону командование полка, второй — его обер-офицеров. Выступление целого полка было возможно лишь в том случае, если им руководил высокопоставленный офицер. Но он должен был разделять идеи декабристов и пользоваться непререкаемым авторитетом среди солдат. Такими качествами, по мнению декабристов, обладал полковник Минского пехотного полка Ермолов 3-й [2, т. IX, с. 87]. Он был популярен среди солдат полка, поскольку удовлетворил все денежные претензии нижних чинов, возникшие в результате халатности прошлого руководителя. Ермолов 3-й проявлял большую заботу о материальном обеспечении нижних чинов и смог довести хозяйственную часть до значительной степени совершенства [13, с. 100]. Однако переговоры с ним завершились безрезультатно [2, т. IX, с. 87]. Отметим, что вскоре после воцарения императора Николая I Ермолов 3-й был смещен с поста командира Минского пехотного полка и отправлен в отставку [2, т. XII, с. 197].

Деятельность Патриотического общества в Отдельном Литовском корпусе была более успешной. П. И. Мошинскому удалось создать небольшую организацию в Минском пехотном полку. В ее состав входили лишь обер-офицеры [2, т. X, с. 126]. Тот факт, что организацию удалось создать представителю именно Патриотического общества, говорит о том, что в ее состав входили представители литвинской и польской шляхты. Однако отсутствие в тайной организации кого-либо из командного состава привело к тому, что заговорщики не смогли поднять мятеж и оказать реальную помощь декабристам.

Открытым остается вопрос о деятельности Южного общества в других частях Отдельного Литовского корпуса. Во время проведения следствия одни декабристы указывали, что Южное общество, возможно, имеет большое количество сторонников в корпусе [2, т. XII, с. 169]. Однако абсолютное большинство подсудимых, в том числе и П. И. Мошинский, предпочло не выдавать своих союзников [2, т. XVI, с. 265].

Политическая программа Северного общества по «польскому вопросу» отличалась консервативностью. Конституционный проект Н. М. Муравьева предполагал превращение России в федеративное государство, хотя в него и не включалась «Польша». Она должна была получить государственную самостоятельность. Однако Н. М. Муравьев отказался от идеи включения земель бывшего Великого княжества Литовского в состав «Польши» [14, с. 100, 101]. Члены Северного общества, в отличие от П. И. Пестеля, не стремились отдавать Отдельный Литовский корпус в сферу влияния Патриотического общества, а предприняли попытку установить контакты с его офицерами. Поскольку большинство участников Северного общества были гвардейскими офицерами и служили в Санкт-Петербурге, было принято решение послать в Отдельный Литовский корпус своего представителя. 20 января 1819 г. на службу в чине ротмистра был вновь принят видный декабрист М. С. Лунин. Он получил направление в Польский уланский полк, расквартированный в Слуцке, и прослужил здесь с января 1822 г. по май 1824 г. Затем его перевели в Варшаву с назначением командиром 4-го эскадрона лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Здесь, в чине подполковника, декабрист и прослужил вплоть до своего ареста [15, с. 57].

На допросах М. С. Лунин утверждал, что главной причиной его перевода на службу в Отдельный Литовский корпус было желание покинуть Санкт-Петербург, чтобы самоустраниться от деятельности Северного общества [2, т. III, с. 126]. Следствию так и не удалось доказать противозаконность его деятельности в период службы в Слуцке и Варшаве. Более того, он был на хорошем счету у цесаревича Константина Павловича [16, с. 53]. Однако не

исключено, что М. С. Лунин был связан с тайными обществами корпуса, поскольку Польский уланский полк входил в состав Литовской уланской дивизии. Офицеры этой дивизии составили тайное «Общество друзей» [17]. Здесь же служили 43 представителя масонских лож [18]. А так как М. С. Лунин состоял в масонской ложе «Трех Добродетелей», то он мог войти в контакт с представителями местных лож. С другой стороны, возможной его целью мог быть не Отдельный Литовский корпус, а цесаревич Константин Павлович. По данным следствия по делу декабристов, заговорщики планировали устранить всю царскую семью. Устранение Константина Павловича возлагалось на М. С. Лунина. Однако приблизиться к цесаревичу было не так просто. Войска под его командованием (Польская армия, Отдельный Литовский и Резервный корпуса) комплектовались в основном уроженцами Королевства Польского и западных губерний. Подбором высших офицеров руководил лично Константин Павлович. М. С. Лунин долгое время находился в отставке и имел репутацию очень эксцентричного и вольнодумного офицера [16, с. 50, 51]. Поэтому сразу попасть на службу в элитные гвардейские части Резервного корпуса, которые охраняли цесаревича в Варшаве, не представлялось возможным. Гвардия Резервного корпуса комплектовалась в основном из числа наиболее способных военнослужащих Отдельного Литовского корпуса [16, с. 23, 24]. Чтобы попасть в гвардию цесаревича, М. С. Лунину необходимо было проявить себя на службе в Отдельном Литовском корпусе. Усердная служба в Польском уланском полку позволила ему попасть в лейб-гвардию Гродненский гусарский полк. Таким образом, Отдельный Литовский корпус стал для М. С. Лунина своеобразным трамплином для поступления на службу в гвардию цесаревича.

На запрос следственной комиссии о поведении подполковника М. С. Лунина Константин Павлович предоставил блестящую характеристику своего подчиненного, отмечая его отличную службу и отсутствие каких-либо подозрительных политических связей [2, т. III, с. 115]. Это говорит о том, что офицер не стремился создать в Отдельном Литовском и Резервном корпусах крупную организацию, которая неминуемо привлекла бы внимание варшавской тайной полиции. Его главной целью было поближе подобраться к цесаревичу, чтобы в нужный момент устранить претендента на трон. Для выполнения этой цели М. С. Лунину было вполне достаточно завербовать в тайное общество лишь несколько человек. Так, согласно показаниям декабристов, устранить цесаревича должен был один из офицеров Конной артиллерии Резервного корпуса [2, т. I, с. 199]. Возможно, он был принят в тайное общество как раз М. С. Луниным.

Помимо планов восстания декабристы пытались использовать Отдельный Литовский корпус и в чисто пропагандистских целях. Так, во время выступления на Сенатской площади руководители восстания выдвигали откровенно популистские и не соответствовавшие действительности лозунги: утверждали, что военнослужащие под командованием Константина Павловича получают гораздо большее жалование, чем в других частях российской армии [2, т. I, с. 18]. Кроме того, чтобы убедить солдат в силе своего заговора, декабристы распространяли слух, что к Санкт-Петербургу уже движется Константин Павлович со всей своей армией [2, т. III, с. 46, 115].

Таким образом, Отдельный Литовский корпус дислоцировался в стратегически важном регионе, что и обусловило внимание к нему российских тайных обществ. Это проявилось в попытке создания в нем тайных организаций. Южное и Патриотическое общества установили тесные связи для координации деятельности по созданию антиправительственной организации. Однако основать в Отдельном Литовском корпусе тайное общество не удалось, поскольку политические интересы уроженцев западных губерний существенно отличались от планов декабристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Швед В. В.* Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі. Гродна : ГрДУ, 2001. 416 с.
2. Восстание декабристов : в 21 т. / редкол. : М. Покровский (гл. ред.) [и др.]. М. ; Л. : Гос. изд-во [и др.], 1925—2001. Т. 21.
3. *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 508 с.
4. *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. СПб. : Ассоц. «История и компьютер», 1994. 197 с.
5. *Якушкин И. Д.* Статьи, документы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 399 с.
6. *Тургенев Н.* Россия и русские. М. : ОГИ, 2001. 742 с.
7. *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М. : Соцэкзиз, 1959. 225 с.
8. *Волкова Л.* Русская армия в русской истории: армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи. М. : Эксмо, 2005. 639 с.
9. *Киянская О. И.* Южный Бунт. Восстание Черниговского пехотного полка, 29 декабря 1825 — 23 января 1826 г. М. : РГГУ. 188 с.
10. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб. : Воен. тип. Главного штаба Е. И. В., 1828. 1042 с.
11. *Коробка Н. И.* Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. 1909. С. 189—220.
12. Декабристы: биограф. справ. / М. В. Нечкина [и др.]. М. : Наука, 1988. 446 с.
13. *Любавский П.* Памятка 54-го пехотного Минского полка : в 2 т. Кишинев : Тип. П. Ф. Галантера. 1907. Т. 2: Приложение к краткому историческому очерку боевой деятельности 54-го пехотного минского Его королевского Высочества князя болгарского Фердинанда полка за 100 лет существования. 180 с.
14. *Букчин С.* К мечам рванулись наши руки... Минск : Юнацтва, 1985. 304 с.
15. *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л. : ЛГУ, 1985. 279 с.
16. *Елец Ю. Л.* История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка : в 2 т. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1: 1824—1865. 444 с.
17. *Ланда С. С.* У истоков «Оды к Юности» // Лит. славян. народов. 1956. С. 40—61.
18. *Соколовская Т.* Материалы по истории масонства в прежней русской армии // Рус. старина. 1907. № 6. С. 659—668 ; № 7. С. 197—216 ; № 8. С. 405—432 ; № 9. С. 643—653.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2013 г.